

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕГИПЕТСКОГО ЛОГОСА ГЕРОДОТА

Отношение греческого мира к восточному не принимало характера непримиримого противоречия даже в эпоху кризиса полиса, в IV веке до н. э., когда завоевание Востока стало казаться некоторым единственной панацеей от социальных зол, раздиравших Элладу. Идею организации общегреческого похода против варваров выдвинул в речи «Панегирик» Исократ. Тем не менее, перечисляя в этой речи заслуги Афин, которые, как он тогда думал, должны будут взять на себя инициативу в организации похода, он нашел возможным заявить в этой же речи, что в результате просветительной деятельности Афин имя «эллин» означает не расовое происхождение, а образ мышления и воспитание (*διανοία*), что это имя связывается с теми, кто усвоил греческую культуру (§ 50).

Наиболее поразительным памятником греческой культуры, само существование которого сводит на нет все попытки представителей реакционной буржуазной историографии представить историю Греции классического периода как эпоху всемирного конфликта между Востоком и Западом, является бессмертный труд Геродота. Культурно-исторический горизонт его повествования по своему существу далеко выходит за рамки Греко-персидских войн. Это история взаимоотношений Востока и Запада, изложенная греком, с момента своего рождения стоявшего близко к Востоку, понимавшего и умевшего ценить его высокую культуру, изучавшего ее с нескрываемым интересом и любовью. Практически для нас Геродот является первым востоковедом в истории европейской цивилизации. Нескрываемые симпатии Геродота к Востоку, в которых он, разумеется, не мог быть одиноким, вызвали негодование Плутарха, написавшего даже трактат «О злокозненности Геродота», цель которого состояла в разоблачении филоварварской тенденции историка¹.

Геродот посетил Египет после битвы при Папремисе, о ко-

¹ Однако и Геродота пытаются представить в качестве человека, для которого противоречие между Элладой и Востоком было определяющим фактором творчества. Эта тенденция проскальзывает и в работах Шварца (собраны в издании Schwarz E. d. Griechische Geschichtsschreiber. Leipz. 1959), заявившего, будто духовная жизнь Геродота предопределялась мировым историческим противоречием между Элладой и Персидской империей (ук. издание, стр. 13).

торой он упоминает². Путешествие могло иметь место после 449 г., то есть Каллиева мира, положившего конец состоянию войны между греками и персами, и до 445 г., когда Геродот уже читал в Афинах ту часть своего труда, где было рассказано о подвиге Афин во время Греко-персидских войн³.

Восстание Инара, которому в его борьбе против персов оказали помощь афиняне, было уже подавлено, и персы вернули себе господство над Египтом. О персидском господстве Геродот упоминает в ряде мест своего труда (II, 30; II, 98; II, 149; III, 91). Египет в это время широко посещался греками, во многих египетских городах жили греческие купцы. Это видно из рассказа Геродота о том, что голову жертвенного животного египтяне обычно продают преческим купцам (II, 39). То особое внимание, которое Геродот в своем труде уделяет Египту, можно также объяснить тем, что после неудачной афинской экспедиции в эту страну интерес к ней должен был особенно возрасти.

Для всех путешествий Геродота характерна та особенность, что он посещал те места, где существовали значительные греческие поселения⁴. От местных греков или переводчиков-гидов Геродот в основном и черпал свои сведения о стране, где ему пришлось побывать. В этом отношении Египет не был исключением. Переводчиков, помогавших Геродоту ознакомиться со страной, было так много, что Геродот увидел в них особый класс или касту населения наряду с воинами, жрецами и другими (II, 164)⁵. Со времени основания Навкратиса Египет был для греков обжитой территорией.

² О времени битвы при Папремисе см. нашу статью в УЗ ГГУ, № 67, 1965, стр. 129 сл.

³ Якоби (Herodotos, RE, Suppl. N. 2, 1913, стр. 248) более осторожно относит эти чтения к 40 гг. V в. до н. э. О времени путешествия Геродота по Египту см. Sourdilje. La durée et l'étendue du voyage d'Hérodote en Egypte, 1910, стр. 3; Legrand Ph. Hérodote, Paris, 1932, стр. 25; Vogt J. Herodot in Ägypten, Genethliakon. W. Schmid. Tub. Beiträge z. Altertumswissenschaft Stuttg., стр. 97; Wiedemann, Geschichte Ägyptens, стр. 82.

Гипотеза Пауэлла (Powell J. Epoch. The History of Herodotus. Camb. 1939, стр. 25) о двух путешествиях Геродота в Египет, ранее защищавшаяся Nachez и Matzal, но убедительно опровергаемая Якоби, представляется нам также несостоятельной. Якоби относит путешествие Геродота к лету 448 г. до н. э. (ук. соч., стр. 267). К 445 г. до н. э. относит это путешествие Truesdell S. Brown. Herodotus speculates about Egypt.— American Journal of Philology, V. LXXXVI, 1, 1965., стр. 61.

⁴ С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 16.

⁵ Хотя Геродот и приводит этих переводчиков от египтян, которые были воспитаны в греческих семьях, часть их могла иметь смешанное греко-египетское происхождение.

Если попытаться самым сжатым образом определить концепцию, которую Геродот положил в основу своего рассказа о Египте, то ее можно назвать идеей греко-египетского культурного единства. Проявления этой идеи различны, но она особенно дает себя знать, когда Геродот объясняет заимствованием у египтян очень многие культурные достижения греков.

Геометрия появилась впервые у египтян в связи с тем, что фараон Сесострис произвел передел всей египетской земли, и только после этого геометрией стали заниматься греки (II, 109).

Даже законы Солона, считавшегося основателем афинской демократии, память которого особенно чтилась и уважалась в Афинах, Геродот рискует возводить к законам Амасиса: «Амасис установил следующий закон для египтян, чтобы каждый берет средства к жизни. Тот, кто этого не сделает или не сумеет доказать, что добывает себе средства к существованию честным путем, должен быть наказан смертью. Солон-афинянин, заимствовав из Египта этот закон, ввел его у афинян» (II, 177). Совершенно ясно, что по хронологическим соображениям это мнимое заимствование не могло иметь места. Но характерно то, что это утверждение Геродота прекрасно уживается с его отношением к Афинам, восторженным и полным восхищения перед совершенным Афинами подвигом в греко-персидских войнах (ср. VII, 139: «афинян можно назвать спасителями Эллады...»). Геродот находит и ряд других общих для египтян и греков обычаев, как, например, запрет общения полов в священных местах (II, 64).

Тенденция объяснять достижения греческой культуры заимствованием из Египта могла родиться в результате простого хронологического сопоставления двух цивилизаций — молодой греческой и древней египетской. Поэтому то, что оказывается общим для этих двух цивилизаций, Геродот может объяснить только одним — простым заимствованием⁶. Оказывается, даже шлем и щит греки позаимствовали у египтян (IV, 180)⁷.

С особой силой эта тенденция Геродота проявляется там,

⁶ V o g t J. Herodot in Ägypten, Genethliakon W. Schmid, Tubing. Beiträge z. Altertumswissenschaft, Heft V, 1929, стр. 116.

⁷ Ср. P l a t o, Tim. 24B, который тоже полагал, что греки позаимствовали шлем и щит у египтян. Это не подтверждается археологическими данными — ср. H o w a n d W e l l s, A commentary on Herodotus. — Oxf. 1957, стр. 360.

где речь заходит о египетской религии, к которой Геродот относится с необыкновенным пиететом. С полным доверием Геродот принимает утверждения мемфисских жрецов (или своих переводчиков, с помощью которых он общался с жрецами?), что имена всех двенадцати олимпийских богов заимствованы греками у египтян (I, 4; ср. II, 50)⁸. Даже культ национального преческого героя Геракла заимствовали греки у египтян (II, 43) — так же, как и культ бога Диониса (II, 49). Обычай приносить жертвы богам, устраивать в их честь торжественные процессии — все это взято у египтян. Даже самые сокровенные религиозные таинства греков — элевсинские мистерии — и те оказываются вывезенными Данаидами из Египта (II, 171)!

Если Геродот восхищается египетским календарем, его можно понять: он был намного совершеннее, чем греческий (II, 4). Но наряду с этой вполне здоровой мыслью Геродот вдруг заявляет, что вожди дорян были по своему происхождению египтянами (VI, 53)! Нет сомнения, что высказанное с такой уверенностью предположение Геродота было просто данью уважения к высокой египетской культуре. С народом, ее создавшим, Геродот не прочь породнить эллинов, и тем самым самого себя. «Геродот — житель дорийского Галикарнасса, чувствовал себя прежде всего дорийцем и гордился этим»⁹. Но это не мешало ему относиться с таким восхищением к Египту, чтобы даже попытаться связать предков вождей дорического племени, и тем самым и самого себя, с этим удивительным народом. Геродот приходит к этому выводу, объясняя миф о возвращении Гераклидов: последние ввели свое происхождение от египтян по той причине, что прапродитель Данаи тоже прибыл из Египта («...Кто пожелает проследить родословную выше Данаи, дочери Акрисия, тот увидит, что вожди дорян по своему происхождению были настоящими египтянами» — VII, 53).

⁸ По поводу 12 олимпийских богов, якобы заимствованных у египтян, см. Linforth J. M. *Greek Gods and foreign Gods in Herodotus*. — Univ. of California publications in classical Philology, V. IX, 1, 1926, стр. 19. Вряд ли следует принимать сообщения Геродота о знакомстве египетских жрецов с греческой религией за чистую монету. Скорее это исходило из той же греко-египетской среды, откуда Геродот черпал свою информацию о стране во время пребывания в Египте. Но в конце концов не исключено и то, что некоторые из египетских жрецов, желая доказать превосходство своей религии над религией чужеземцев, могли утверждать, будто греки заимствовали свои представления о богах из Египта.

⁹ С. Я. Лурье. *Геродот*, стр. 89.

Совершенно естественно то, что Геродот постоянно называет египетских богов соответствующими греческими именами. Это одни и те же боги, только египтяне называют их иначе. «...Амуном ведь египтяне называют Зевса... (II, 42). Саисская богиня Нейт оказывается Афиной, в Буто почитается Лето, в Папремисе — Арес» и т. д. Геродот подчеркивает, что знает их греческие имена: «Исида же по-гречески зовется Деметрой» (II, 59).

В основу идентификации Геродот кладет чисто внешнее сходство функций, атрибутов или деталей мифической биографии божества. Нейт подобна Афине тем, что является богиней-девственницей и покровительницей искусств и ремесел. Исида названа Деметрой потому, что изображается с младенцем Гором на руках и этим подобна Деметре, изображающейся с Персефоной. Исида ищет своего супруга так, как Деметра Персефону; кроме того, она также является хтоническим божеством, связанным с земледельческим культом.

Миф о жизни Осириса, умирающего и воскресающего бога, позволил отождествить его с Дионисом (но другие отождествляли Осириса с Аидом и даже Зевсом, исходя из других особенностей культа Осириса)¹⁰. Зачастую Геродот не может отыскать в египетском пантеоне богов, соответствующих греческим — например, Посейдону, — но только потому, что египтяне не имели морских богов и с отвращением относились к морскому делу¹¹.

Малле предполагал, что идентификация египетских и греческих богов, с которой мы сталкиваемся у Геродота, основана на тех представлениях, с которыми Геродот столкнулся, побывав у навкратийских греков¹². Правильнее считать, что эти представления были выработаны в тех греко-египетских кругах, откуда происходили переводчики, сотрудничавшие с Геродотом во время его пребывания в Египте. Но уже совершенно неправ Видеманн, который считал эти идентификации совершенно лишними ценностями¹³. Они помогают нам глубже узнать характер восприятия греками иноземных культов и получить более отчетливое представление о самих культах Египта.

Интерес Геродота к египетской религии был естественным

¹⁰ How and Wells, op. cit., стр. 186.

¹¹ Там же, стр. 191.

¹² Mallet D. Les premières établissements des Grecs en Egypte, Le Caire, 1922, стр. 386.

¹³ Wiedemann A., op. cit., стр. 99.

и закономерным. В египетской религии греков привлекала слава о мудрости ее жрецов, таинственный и древний ритуал, необыкновенное разнообразие и причудливый внешний облик изображаемых богов, пышность и богатство храмов. Организованность жреческой касты и то влияние, которым она пользовалась, производили огромное впечатление на греков, а магический элемент, которым египетская религия была проникнута, чарующе действовал на их воображение — воображение людей, привыкших к самым простым формам служения божеству¹⁴.

Для Геродота характерен наивный мистический страх перед тем, как бы не оскорбить этих грозных богов и не наговорить о них лишнего. Поэтому он делает множество намеков, туманных и загадочных, всюду давая понять, что он обладает глубочайшими познаниями в области египетской религии и только из благочестивого страха перед этими богами не сообщает читателям всего того, что он о них знает. В действительности эти знания были вовсе уж не так глубоки. В 86 главе II книги Геродот из опасения согрешить по отношению к божеству отказывается назвать имя бога, фигура которого служила в качестве модели наиболее роскошного способа балъзамирования. Но это была фигура Осириса, что знал каждый в Египте, как справедливо замечает Видеманн¹⁵.

Греческие наемники легко акклиматизировались в Египте и быстро усваивали местные культы. Открытая неподалеку от древнего Мемфиса надпись рассказывает о том, как группа греческих солдат-наемников сложилась, чтобы посвятить статую и стол для жертвоприношений местному божеству в благодарность за оказанное им благодеяние¹⁶. Из десяти человек, принявших участие в этом посвящении, пять — афиняне.

Греко-египетский религиозный синкретизм стал особенно интенсивным со времени основания Навкратиса. В Афинах, как указывает Цуккер, культ Исиды существовал уже в пятом веке до н. э.¹⁷ В IV веке до н. э. в Афинах строился храм богине Исиде, как об этом говорит надпись — декрет от 333/2 года, принятый по предложению Ликурга. «Поскольку прось-

¹⁴ Bell H. J. Graeco-Egyptian Religion. Mus., Helveticum, 1963, 10, f 3/4, p. 222.

¹⁵ Wiedemann A., op. cit., стр. 98.

¹⁶ Letronne. Inscriptions gr. et lat. de l' Egypte, I, p. 409; CIG, 4702.

¹⁷ Zucker F. Athen und Ägypten, Festschrift Schubart, L. 1950, стр. 161; Rusch A. De Sarapide et Iside in Graecia cultis, diss. Berlin, 1907.

ба торговцев из Кития о том, чтобы народ афинский предоставил им участок в собственность для постройки храма Афродите, представляется законной, народ решил: предоставить торговцам из Кития в собственность участок, на котором должен быть построен храм Афродите, на тех же основаниях, на которых египтяне построили храм Исиде»¹⁸. Финикийская Астарта, которой поклонялись купцы из Кития, названа в этом декрете Афродитой без всяких пояснений: тождество было общеизвестным и само собой подразумевалось.

Есть основания полагать, что египетские религиозные представления о загробной жизни, в которых египтяне с такой мрачной серьезностью и необыкновенной педантичностью описывали все, что ожидает человека в загробном мире («Книга мертвых»), проникли в религиозно-философскую систему Ферекида, одного из первых теологов Греции. Египетские мифы о Сете, Горе и Осирисе, игравшие особенно важную роль в системе представлений египтян о загробном мире, Ферекид сопоставлял с греческими мифами о Кроносе и гигантах¹⁹.

Из всех египетских культов наиболее близкими грекам оказывались те, которые напоминали им привычных эллинских богов. Поэтому так рано проник в Грецию культ Аммона, напоминавший культ Зевса Олимпийского. Проникновение, вероятно, происходило через Кирену, и мы находим культ Аммона в Спарте²⁰ и Фивах²¹. Культ Аммона был также популярен в Афинах конца V века до н. э., как можно судить на основании одного места «Птиц» Аристофана, где хор птиц поет: «Мы, птицы, для вас и Аммон, и Дельфы, и Додона, и Феб-Аполлон...» (ст. 677). В этом перечислении наиболее популярных культов Аммону отведено первое место²².

Сталкиваясь с местной греко-египетской средой, Геродот широко черпал из сферы сложившегося в этой среде фольклора, часто окрашенного грубоватым солдатским юмором (греки служили чаще всего в качестве солдат). Так, фривольная история о дочери египетского фараона, которая отдавалась в

¹⁸ IGII², 337; SIG³, 280.

¹⁹ Orig. contra Celsum, VI, 42; не все, однако, относят это место к Ферекиду — см. Luria S. Demokrit, Orphiker und Agypten, EOS, v. LI, 1961, стр. 24.

²⁰ Pausan. III, 15; Schol. Pindar. Pyth. IV, 16.

²¹ Classen G. J. The Lybian God Ammon in Greece before 331 B. C.—HISTORIA, 1959, 8, стр. 349.

²² В диалоге Платона «Политик» (257 В) Феодор клянется «Аммоном, нашим богом». Имеется в виду, по-видимому, бог Оазиса. См. Mallet D. Op. cit., стр. 128.

публичном доме всем желающим и получала в качестве «сверхгонорара» огромные камни, из которых затем и была сложена маленькая пирамида на поле пирамид (II, 126), представляет собой типичный солдатский анекдот, возникший в указанной среде. Ионийские наемники, пораженные огромными пирамидами, так объясняли себе факт появления рядом с огромной пирамидой Хеопса небольших пирамид. В этом анекдоте заметны следы юмористического отношения к столь странным для грека явлениям культуры Египта (чувство юмора при объяснении чуждых восточных обычаев было свойственно и Геродоту)²³.

Пытаясь открыть первоисточники рассказов Геродота, которые он выдает за поведенные ему египтянами, Фогт предположил, что поселившиеся в Египте греки усвоили местные исторические и фольклорные сюжеты, а затем переложили их на греческий язык. От этих греков их восприняли местные египтяне, и уже от последних их услышал Геродот. Такими эллинизированными версиями, по мнению Фогта, является рассказ о знаменитом эксперименте Псамметиха, пожелавшего узнать, какой из языков является наиболее древним (II, 2), рассказ о Зевсе, который скрылся под личиной барана (II, 42), история о возвращении бога Ареса и его матери (II, 63), рассказ о плавающем острове Хеммисе, где Лето (Уат) спрятала молодого Аполлона (Гора), и др.

Теория Фогта носит искусственный характер. Трудно допустить, чтобы в то время, когда Египет еще продолжал борьбу за свою самостоятельность и традиции Сансской эпохи были еще живы, египетские жрецы (на которых так часто ссылается Геродот) стали заимствовать у греков предания о своей национальной истории и т. п.

Хотя Геродот не знал египетского языка, он довольно верно передает некоторые египетские названия и термины. Так, он сообщает, что крокодил по-египетски называется «хампс» (II, 69). Действительно, соответствующее египетское слово звучит довольно сходно — *mshu*, или огласованное *em-suh* — «то, что рождается из яйца». Следует при этом учитывать, что аспирата при греческой передаче могла подвергнуться метатезе²⁴.

В рассказе о том, как 240 000 египетских воинов отложились от царя и перебежали на сторону эфиопов, Геродот на-

²³ Ср. нашу «Историю древнегреческой литературы». М., 1962, стр. 211.

²⁴ См. Meuser Ed., Forschungen z. alten Geschichte, B. I, стр. 192; How and Wells. Op. cit., стр. 202.

зывает их египетским словом «асмах» (II, 30), что по-египетски значит: «стоящие по левую руку царя». Соответствующее египетское слово «smhi», левый, звучит очень близко²⁵.

Иногда Геродот не, вполне точно передает значение соответствующего египетского термина. В одном месте (II, 143) он приводит термин «тиромис», который, по его мнению, означает то же, что по-гречески «калос к'агатос», то есть идеально развитого гражданина. Между тем по-египетски «пи роми» означает просто «человек», как указывает Эд. Мейер²⁶.

Иногда Геродот допускает грубые неточности. Таково описание крокодила и гиппопотама: последнему он приписывает, например, несуществующую конскую гриву, из чего можно заключить, что он его близко не видел²⁷. Некоторые данные преувеличены, как, например, сведения о величине Меридова озера. По-видимому, у Геродота не всегда была возможность выработать вполне ясную точку зрения, как отмечает А. Доватур²⁸.

Иногда из-за стремления к максимальной конкретизации справедливая мысль Геродота получала причудливую форму и в конечном счете оказывалась выдумкой. Так, Геродот передает нам следующий рассказ, сообщенный ему жрецами. «Жрецы же рассказывали, что этот царь (Сесострис. — В. Б.) разделил всю страну между всеми египтянами, причем все они получили по одинаковому четырехугольному куску земли. Этим он обеспечил себе доходы, приказав ежегодно уплачивать известный налог. Если река отрывала кусок от какого-нибудь участка, то владелец его являлся к царю и объявлял о случившемся. Царь посылал нескольких людей для осмотра и измерения, насколько этот участок уменьшился, чтобы владелец продолжал платить налог соответственно оставшемуся участку. Таково, как мне кажется, происхождение науки геометрии, из Египта перешедшей в Элладу» (II, 109).

²⁵ Там же, стр. 193. См. также How and Wells. Op. cit., I, стр. 238.

²⁶ Ук. соч., стр. 193. См. также How and Wells. Op. cit., I, стр. 238.

²⁷ Грамматик Полион (цитата из его сочинения дошла до нас в передаче Euseb. Praepar. Evang., X, 3, p. 467 D) указывал, что эта деталь, как и многие другие, заимствована Геродотом из произведения Гекатея. Полион, обвинивший в особом сочинении Ктесия в плагиате, в другой работе обвинял в этом же Геродота.

²⁸ А. И. Доватур. Научный и повествовательный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 99. См. также Pearson, Early Greek Historians. Oxf., 1939, стр. 84. О характере египетской информации Геродота см. также Лурье С. Я. Ук. соч., стр. 122, и приведенную там литературу.

Здесь совершенно верная мысль о том, что геометрические знания в Египте развились в результате практической потребности в измерении земли, приобрела характер фольклорного рассказа, обязанного своим возникновением все той же греко-египетской среде.

Сам Геродот, написавший свою книгу уже после того, как он побывал в Египте, вряд ли мог точно помнить, что в его материалах восходит к рассказам местных переводчиков и что он слышал от жрецов, с которыми встречался, общаясь с ними все через тех же переводчиков. Зарождающаяся историческая наука, за первыми шагами которой мы следим, читая труд Геродота, стремилась не к точности, а к занимательности рассказа, и этим обусловлены многие особенности труда «отца истории». В ряде случаев он мог просто растеряться перед обилием информации и не всегда выбрать наиболее достоверный вариант. Четкого понимания того, что различные источники обладают различной степенью достоверности, у него не было, и если египетские жрецы выступают у него в качестве великодушных знатоков греческой мифологии, то это объясняется его доверчивостью относительно получаемой информации²⁹.

Для того чтобы понять, как строил Геродот свой египетский логос, полезно представить себе, как технически осуществлялась работа «отца истории» по сбору и подготовке материала. Вряд ли все, что мы находим в его труде, было написано автором по памяти. Скорее всего, бывая во время своих путешествий в различных странах, Геродот составлял для себя краткие заметки наподобие того, как это делают современные туристы. Естественно, они могли быть только краткими и сжатыми. Позднее эти заметки подвергались обработке литературного характера. При этом могли быть использованы автором и литературные произведения предшественников, писавших на ту же или сходную тему. Материалы обрабатывались Геродотом отдельно для каждой страны, в которой он бывал (это было в духе современной ему историографии, где начинали преобладать сочинения, посвященные отдельным странам). Так возникали «лгоги», о которых он неоднократно упоминает. Не все они вошли в состав его труда (это, видно, напри-

²⁹ Жрецы, всегда с презрением и даже отвращением относившиеся к чужеземцам, вряд ли могли стремиться к тому, чтобы изучать греческий язык и мифологию. Во всяком случае, так обстояло дело в Саисскую эпоху, для которой характерны архаизирующие тенденции. См. Spragig E. Herodot's Angaben über die Nilländer oberhalb Syene's. — Inaugur. disser-

мер, из его ссылки на «ассирийский логос», который, как следует из контекста, должен был войти в его произведение, но не вошел — I, 184)³⁰. Неявно начало труда Геродота, в понимании которого нет единодушия между исследователями, происходит, возможно, оттого, что Геродот сам не смог еще с достаточной ясностью выразить ту цель, которая была положена в основу скомпанованного им единого целого³¹.

В составе «египетского логоса» мы можем иногда выделить те первоначально очень кратко записанные сюжеты, которые потом были развернуты до размера «новеллы». Таков, например, рассказ о сокровищнице Рампсинита (II, 121). Но другие заметки так и остались краткими записями, опубликованными без последующей литературной обработки, — таков рассказ о царице Нитокриде (II, 100). В. Али так и назвал его — «кратким рефератом»³².

Как уже указывалось выше, первоначально собранный материал дополнялся на основании и других источников, среди которых могли иметь место и рассказы (как устные, так и письменные) других путешественников³³. Так составилась и

tation Halle, 1889, стр. 2.

³⁰ В свое время Бауэр (*Entstehung des Herodot's Geschichtswerk*, Wien, 1878) доказывал, что эти логосы существовали вначале самостоятельно, и Якоби (ук. соч., стр. 327) полностью с ним согласен.

³¹ Переводя это знаменитое введение («прооймий»), С. Я. Лурье в своей книге (Геродот, 1947, стр. 124) редактировал его следующим образом: «Нижеследующие изыскания Геродот Фуриец представляет для того... чтобы не заглохла слава об огромных и достойных удивления сооружениях, исполненных частью греками, частью варварами...» Но в примечании покойный профессор сам указывал на возможность понимать соответствующее слово греческого контекста как «подвиги»; а не «сооружения», что, как будто, подтверждается далее следующим текстом прооймий, где говорится о причинах войны, возникшей между эллинами и варварами. Однако в отдельных логосах — ср. египетский, II, 35, 1, а также III, 60, 27 — Геродот преследовал именно эту цель — рассказ об удивительных сооружениях (отсюда и подробности о строительстве египетских пирамид). Возможно, что Геродот допустил намеренную двусмысленность (которую Якоби — ук. соч., стр. 333—335 — хочет обойти своим слишком прямолинейным пониманием этого места). Но все же слово «подвиги», «деяния» лучше передает смысл всего контекста, и это толкование поддерживает Поленц (*Max Pohlenz, Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes*, L—B, 1937, S. 3), указывающий, что так понимал этот термин Дионисий Галикарнасский (*Ad. Pomp.* 3, 3, Thuc. 5.).

³² A. W. Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Götting. 1921, стр. 58. («Man vergleiche... dem kurzen Referat...»).

³³ Геродота пытались обвинить в плагиате еще в древности, но, как замечает Лергран, Геродот был просто начитанным человеком (ук. соч., стр. 157).

египетский логос, цельность которого можно объяснить только тем даром гениального рассказчика, которым обладал Геродот³⁴.

Но главным все же были его личные впечатления от путешествия. В рассказе о Родопис (II, 135) мы находим характерное замечание: «Публичные женщины в Навкратисе вообще прелестны». Это невольно вырвавшееся признание является воспоминанием путешественника о наиболее запомнившихся ему явлениях жизни этого своеобразного города, где бок о бок жили греки из различных государств Эллады и туземцы-египтяне.

Геродот уделил Египту больше внимания, чем другим странам. Причину называет он сам в начале своего изложения «египетского логоса»: «... я перейду к рассказу о Египте, более пространному, ибо он включает в себе больше чудес, чем любая другая страна, и сооружения большие, чем вообще можно описать, сравнительно с любой другой страной...» (II, 35). По многим причинам как экономического, так и политического характера греки интересовались Египтом больше, чем любой другой страной Ближнего Востока.

Н. М. ЕЛИЗАРОВА

ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОВ И УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ РИМСКИХ ПРОВИНЦИЙ (ПО ДАННЫМ ЦИЦЕРОНА)

Долгое время буржуазная историография избегала изучения классовой борьбы и борьбы угнетенных народов против римского господства. Если и упоминались восстания рабов, то только как эпизодические, случайные явления для римской жизни. Провинции представлялись цветущими и довольными римской опекой, а присоединение их к Риму—благом для провинциальных народов, так как Рим выполнял цивилизаторскую миссию по отношению к завоеванным странам.

За последние годы, однако, в буржуазной историографии возрос интерес к проблемам классовой борьбы и движениям покоренных народов. Прогрессивные западные ученые стре-

³⁴ V o g t J. Op. cit., p. 130: «...das zweite Buch inhaltlich und stilistisch eine Einheit bildet...»; A l y W. Op. cit., p. 60.